

Меня выволокли на сцену с последней партией, состоящей из пяти рабынь. Все девушки были по-своему уникальны: стройные, нарядно одетые, с яркой, интересной внешностью. Косметика и вульгарная одежда творили чудеса. Невольниц быстро разбирали. Как елочную мишуру перед Новым годом.

Когда я вышла на трибуну, у меня тут же от страха подкосились ноги, голова панически закружилась, а дышать стало невыносимо трудно. Там было очень много людей. Разной национальности, разного пола, веса, цвета кожи, ориентации. Выглядели они отвратительно. Без конца что-то кричали, аплодировали и вели себя некультурно, как совсем не подобает сливкам общества. Кто-то свистел, кто-то матерился, а кто-то на радостях чесал свои набухшие ширинки. Возможно, им в шампанское, как и мне, подсыпали наркотическую дрянь.

В зале было темно. Над головой сияли зеркальные шары, мигали софиты, вращались разноцветные прожекторы. Я прищурилась, пытаюсь рассмотреть публику получше, как вдруг увидела ЕГО. Безумно привлекательного мужчину. Один взгляд на незнакомца — и я таю.

Кто он? Как его имя? Из какой страны? Вероятно, русский.

Тысячи вопросов мигом вскружили голову. Но как оказалось, этот красивый мужчина был один в зале со славянской внешностью. Остальные, отрастившие пузо и третьи подбородки «клиенты», являлись типичными иностранцами.

Я смотрела на него с мольбой, как на последний глоток воздуха в открытом космосе, как на последнюю каплю воды в засушливой пустыне и единственную надежду на спасение, а по моим щекам крупными бусинами стекали слезы.

Только губами я прошептала:

«Спа-си... Про-шу...»

И все время смотрела на него. Не моргая, задержав дыхание. Смотрела и молилась. Молилась богу, дьяволу, ангелу-хранителю, Будде и еще черт знает кому! Потому что боялась. До смерти боялась стать чьей-то безвольной куклой, бездушной игрушкой, грушей для битья, шлюхой или просто куском мяса.

Я смотрела на него. Он — на меня. Ни единой эмоции. Пустой и холодный взгляд. Абсолютное безразличие. Ни одна жилка не дрогнула на его холеном лице миллиардера. Мужчина сидел в первом ряду, в местах для VIP-клиентов, широко расставив ноги, в окружении полуголых азиаток, которые массировали ему плечи, подавали напитки, и даже одна из них, стоя на коленях, натирала ему обувь голыми руками. ГОЛЫМИ РУКАМИ!

Незнакомец поднял на меня свои большие, выразительные глаза, слегка нахмурил лоб, подпер подбородок ладонью, призадумался.

Интересно, о чем он думает? Может, все-таки купит? Пускай! Пускай это будет он! К нему хочу! К нему...

Я еще раз прошептала только губами:

«Спа-си... ме-ня...»

Но он никак не реагировал. Голос ведущего вернул меня в жестокую реальность. Всех девушек из моей партии продали.

Осталась только я. Последняя.

ГЛАВА 1

Лина

— Эту! Черноволосую! — доносились их фразы ломаными отрывками. — Точно никто искать не будет?

— Точно-точно! У нее вся семья насмерть. В лепешку. Во время жуткой аварии, — заведующая демонстративно хлопнула в ладоши, сцепив руки в замок, а я невольно подпрыгнула на месте, почувствовав, как сердце в груди забилося на пределе. — Она одна чудом жива осталась. Только вот есть кое-какой нюанс... Не разговаривает девочка. Совсем. После того страшного случая.

— Х-м-м, это даже к лучшему. Идеальный вариант! А что с возрастом?

— Лине только вчера исполнилось восемнадцать. В самом соку деточка. Уже жилье и работу пытаемся подыскать. Но сами понимаете... Одна морока с ТАКИМИ.

Последняя фраза лощеным джентльменам была не особо интересна. Перебили, даже договорить заведующей не позволили.

— Отлично! Берем! — огласил вердикт один из «депутатов». — Я знаю такое место, где она научится работать ртом, даже не имея голоса.

Незнакомцы грязно заржали, толкая друг друга локтями.

— Тогда нам еще ту, ту и эту! — Другой его приятель дополнил мысль первого, вальяжно ткнув толстым пальцем в сторону моих подруг, неподалеку читающих книгу, шепотом добавив: — Деньги, как обычно, наличкой.

— Я подготовлю все необходимые бумаги, — сахарным голосом пропела директриса, протягивая пухлые ручонки джентльменам.

— И про конфиденциальность не забудьте! — предупредили господа.

Они по очереди сцепились друг с другом крепким рукопожатием и торопливой походкой направились к выходу.

Мне было не особо понятно, о чем они там болтали. Да и вообще, если честно, не интересно. Взрослые дела. Очередные спонсоры пытаются уйти от налогов, задабривая сиротское отребье просроченными шоколадками.

Сидя за облезлым столом возле окна, я продолжала рисовать портрет моей мамы. Я рисовала ее каждый день. Ее лицо, красивые, мягкие руки, лучезарную улыбку и добрые глаза. Чтобы не забыть. Чтобы помнить. Всегда-всегда помнить. И не сойти с ума от одиночества. Я рисовала ее в разных позах, в разных местах, в обнимку со мной, с моей маленькой сестрой и любимым отцом. Никогда не забуду тот самый день... День, когда моя жизнь навсегда оборвалась. Когда у меня ничего не осталось. Когда мои самые близкие люди навсегда ушли. Ушли из жизни. И больше никогда не вернуться.

Всего несколько дней назад мне исполнилось восемнадцать. Вот и все. Я совершеннолетняя. А значит, меня очень скоро просто выгонят на

улицу. Обездоленная пустышка! Столько лет прошло, а я до сих пор одна. До сих пор заперта в убогом клоповнике никому не нужных вещей. Немая оборванка с глубокой психической травмой. Кому нужна такая «радость»? Проще усыпить. Усыпить, как собаку! Я ведь пропаду там, в большом и холодном мире черствых людей. И почему небеса решили оставить мне жизнь? В той жуткой аварии погибли все, кого я любила. Лучше бы и я с ними тоже. Погибла.

Задумавшись во время рисования, я случайно обронила стакан с красной краской на мамин портрет. Алая жидкость уродливыми кляксами растеклась по ее красивому лицу. Меня затошнило. Кисточка выпала из рук, тело охватила нервная дрожь, во рту пересохло, а сердце забилось где-то в ушах. Нет! Я не должна думать об аварии. Не должна! Иначе... будет только хуже.

Считанные секунды оставались до начала припадка, как вдруг я почувствовала осторожное прикосновение к плечу. В ноздри ударил знакомый приторный запах бульварных духов. Это была наша заведующая — Жанна Михайловна. Она так сильно любила свои духи, что была чертовски эгоистична к мнению окружающих. Этот запах меня всегда отрезвлял. Точнее, отрезвлял от дурных мыслей. Как аммиак, например.

— Милая, а у меня для тебя чудесная новость!

Я на секунду отвлеклась от горестных мыслей и даже от того, что новый рисунок был испорчен.

— Очень красивая работа! — Она, видимо, ляпнула это из вежливости. А сама втихаря настрочит рапорт психологам, что якобы у меня произошла вспышка скрытой агрессии-депрессии. Потому

что на моем рисунке словно только что расчленили человека. — Но красного, кажется, много. Это что, кровь?

Что и требовалось доказать.

Огромные темно-карие глазищи директрисы осуждающе прищурились, а хватка на предплечье, наоборот, усилилась.

Ненавижу, когда ко мне прикасаются!

— Нет. Я случайно опрокинула краску, — жестом объяснила Буренке.

«Буренка» — так заведующую втихаря называли детдомовские. Потому что тетя Жанна постоянно жевала жвачку, курила, любила носить в ушах огромные золотые кольца и весила ровно столько, сколько весит упитанная корова.

— Ладно, не расстраивайся. Так вот... — она продолжила разговор, — представляешь, милая, тебя удочерили! Какое счастье!

Когда она это озвучила, я снова принялась рисовать мамин портрет, ощущая затылком, как губы заведующей растянулись в змеиной улыбке.

Вот и настал тот самый день. День, который я ждала восемь лет. День, который я представляла себе каждую свободную минуту. У меня появится дом. И семья. Интересно, какими они будут?

Сначала я обрадовалась, но затем радость сменилась грустью. Потому что я задумалась: действительно ли мне нужна новая семья?

А если они мне не понравятся? Если я им не понравлюсь? И смогу ли я принять новых родителей так же, как своих? Погибших...

Думаю, вряд ли.

— Ну, дорогая, ты рада? — Жанна потрянула меня сильнее.

В ответ я лишь пожала плечами, продолжая тщательно прорисовывать мамины руки, представляя, как она гладит меня этими руками... Нежно, с заботой. Как старательно заплетает волосы в косы.

— Это, наверное, для тебя безумно неожиданная новость? Но не переживай! Твои будущие опекуны очень хорошие люди. И очень обеспеченные. Ты должна быть послушной, чтобы тебя не вернули обратно. Договорились? Это твой единственный шанс. Шанс начать жизнь с чистого листа, а не отправиться на консервный завод и до самой старости жить на подачки социальных служб.

Вот и настал тот самый день. День, который я ждала восемь лет. День, который я представляла себе каждую свободную минуту. У меня появится дом.

Я нехотя кивнула. В груди жжет и распирает странное напряжение.

— Вот и отлично! А сейчас я провожу тебя в твою комнату. Нужно собрать вещи. Твой новый папа уже ждет тебя в машине.

Неужели? Так быстро?

* * *

Жаль, что у меня не хватило ума задуматься над тем, почему какие-то там неизвестные люди решили удочерить совершеннолетнюю? А зря.

Наверное, я просто очень сильно обрадовалась. В тот момент меня накрыли эмоции. Я ведь об этом так долго мечтала! О родителях, о любящей семье, о новом доме. Думаю, я смогу справиться со своими чувствами и смогу впустить в свою

унылую жизнь новых людей. Хотя бы попробую. Бог дал мне шанс. Шанс начать все заново, а не гнить медленно, закрываясь ото всех, отсиживаясь в холодной, покрытой плесенью кладовке.

Мои новые опекуны будут очень добрыми, щедрыми, заботливыми людьми. Они позволят мне поступить в университет, и больше никто не будет надо мной издеваться. Ни мальчишки из соседней группы, которые вечно дергали меня за косы, обзывали, поколачивали и ржали над тем, что я не могу ответить ни словом, ни делом. Ни воспитатели. Которые любили избивать меня грязной шваброй и закрывать в холодной кладовке с крысами на целую ночь. Просто потому, что им мало платили. А они таким образом избавлялись от своих внутренних проблем и собственной несостоятельности, выплескивая злость на слабой жертве. Как, например, наша уборщица.

Я ведь не могла ничего рассказать заведующей. Как и не могла закричать, когда она лупила меня шваброй за то, что Ларису Викторовну не устраивала ее унизительная работа с копеечной зарплатой. Никто не слышал моего плача. Никто не слышал моих криков. Всем было плевать.

После жестокой расправы уборщица угрожала мне: если проболтаюсь — утопит в ведре с помоями, а начальству скажет, что я сама решила утопиться. Якобы потому, что устала от такой жизни. После аварии превратилась в невменяемую истеричку.

И естественно, поверили бы ей, а не мне. А я уже привыкла к скотскому обращению и жила лишь просто потому, что надеялась на лучшее. Жила в память о маме, которая закрыла меня сво-

им телом, а сама погибла в тот момент, когда в нашу машину на бешеной скорости врезался грузовик. Просто так сдаться и порезать себе вены... станет оскорблением памяти о ней.

Я надела самое лучшее платье, которое только нашлось в моем убогом гардеробе. Волосы заплела в тугую косу, а вот косметикой никогда не пользовалась. У меня ее просто не было. Была лишь одна-единственная бледно-розовая помада, которая пахла прогорклым маслом.

Вещи собрала за пять минут. Мое ущербное приданое состояло из пары застиранных платьев, альбома с красками, блокнота для записей, с помощью которого я общалась с людьми, и трехлаплого медвежонка-рюкзачка, оставшегося у меня в память о младшей сестре.

Этого мишку подарила ей я. В день аварии у Катюши был день рождения. Моей сестренке исполнилось всего лишь четыре года. В тот день сука судьба преподнесла ей жестокий подарок. Маленькому, беззащитному ребенку... Отобрав у нее жизнь в день рождения. В день рождения!

Удар был настолько сильный, что медики говорят, погибли они мгновенно. Без мук и боли. Даже понять ничего не успели...

Когда смотрю на потрепанную игрушку, мне кажется, что я до сих пор вижу на ней кровь. А вот выкинуть не могу! Ведь у меня больше ничего не осталось. Все наше имущество отобрали плохие дяденьки в качестве оплаты за долги отца. А меня... меня засунули в сиротский приют.

После гибели семьи на фоне мощного шока я потеряла не только себя, но и голос. Ровно тогда, когда нашу машину раздавил грузовик.

Лина

— Боже, Алина! Ты почему надела это убожество? Быстро переоденься!

Испугавшись внезапного крика директрисы, я резко вздрогнула, неловко выронив на пол рюкзачок сестры.

— Вот, надень другое платье, — она протянула новенькую подачку, упакованную в целлофановый пакет с логотипом нашего детского дома, — ты должна произвести хорошее впечатление на своих новых хозяе... родителей!

Жанна невольно заикнулась, выдавив на пухлом лице коварную улыбку.

— Ладно, — жестом ответила я, принимая «подарок».

В принципе новое платье ничем особо не отличалось от старого. Разве что материал был более приятным, и ткань пахла фабрикой, а не хлоркой. Взглянув в мутное зеркало, висевшее на ободранной стене напротив шкафа, я увидела свое отражение. Ничего нового! Кроме строгого платья черного цвета длиной чуть выше колен, украшенного белым кружевным воротничком и такими же кружевными манжетами. Строго, но мило.

Природа наградила меня длинными цвета глубокой ночи волосами, большими синими глазами,